

Kolejka, Josef

Заклучение

In: Kolejka, Josef. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 220-242

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119625>

Access Date: 09. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я попытался дать обзор взглядов или предложений на „славянские программы“ с начала 19 века вплоть до 1945—1948 гг. и указать на роль славянской идеи (идеи славянской солидарности) в политической жизни славянских народов. При оценке отдельных и прямых программ „славянского сотрудничества“ не всегда было (главным образом в более раннем периоде — в 19 столетии) достаточно места для более подробного анализа отдельных направлений или „крыльев“, напр., „колларизма“, „иллиризма“, польского мессианизма, русского славянофильства и австрославизма. Наши исследования подтверждают более ранние взгляды о большой силе славянской идеи национального движения чехов и словаков и также южных славян. Содержанием славянской идеи сначала и позже была, прежде всего, уверенность в России, в которой видели защитника малых славянских народов.

Из сознания этнического родства чехов и словаков с поляками, русскими, сербами и др., побуждаемого трудами лингвистов, этнографов, археологов и историков, во второй половине 19 века распространилась эта уверенность в Россию и вообще в славянскую взаимность среди самых широких народных масс, о чем свидетельствуют волны выражения симпатий и восхищения русской помощью балканским народам, о чем можно прочесть в журналах и в современной литературе и что нам подтверждают и разные сообщения тогдашних государственных властей. Россия была надеждой не только для „будителей“ на переломе 18 и 19 вв., но и для Палацкого после 1867 г., для старочехов и младочехов, для национальных социалов и др. Правый социал-демократ Фр. Модрачек заявил, что все чешские политические деятели до Первой мировой войны были русофилами.

Разница, дескать, была только в том, что одни полагались на Россию больше, другие меньше. Известно, однако, что с 60-х—70-х гг. прошлого столетия была разница в нашем русофильстве в том, что официальное славянофильство все больше и больше становилось царефильством, между тем как демократы полагались на народную и, наконец, революционную Россию.

Излишно, может быть, объяснять, почему у чехов или у словаков и у балканских славян было самой важной частью славянской идеи (в 19 веке, или же до 1914 года) именно русофильство. Ведь Россия была в 19 веке единственным самостоятельным славянским государством и, кроме того, представляла европейскую великую державу. Русские походы против Турции объективно помогали балканским народам в их борьбе за независимость. И Гавличек, однако, сатирический критик царской России, признавал в 1850 году, что „Россия поддерживает нас своей обширной литературой именно в строго научных областях, так же, как поддерживает нас и в национальном плане уже своей импозантной величиной...“¹ Надо добавить еще — вместе с литературоведением — что русофильство и славянофильство было в 19 веке сильным именно там, где были более трудные препятствия на пути развития национальной индивидуальности, там, где достижения в борьбе за национальные права были туманные (напр. словаки!).

Между тем, как Россия стремилась разбить „больного мужчину“ на Босфоре — Турцию — западные государства стремились всевозможно сохранить целостность турецкой империи, мешая таким образом развитию национально-освободительной борьбы балканских славянских и неславянских народов. Правительства западных стран в половине столетия поддерживали предложения некоторых венгерских (Кошут) или польских (Чарториский) эмигрантов использовать турецких войск в случае возможной реализации планов реорганизации центральной и юго-восточной Европы — планов в сущности более или менее явственно антирусских.

Мы установили, что с л а в я н с к а я и д е я, выполнявшая на переломе 18—19 вв. функцию лозунга, пробуждающего национальное сознание против германизации и мадьяризации, могла остаться прогрессивной идеей в общественном смысле слова лишь до тех пор, пока оставалась лозунгом обороны против гнета господствующей буржуазии или против угрозы заграничной агрессии; пока помогала развитию национально-политического движения, культурной и экономической жизни; пока была средством развития национально-освободительного движения поработанных народов против габсбургской монархии или против турецкой империи и пока считала интересы неславянских народов или национальностей. На сотрудничество неславянских народов обращали внимание уже, начиная с начала 19 столетия, некоторые поляки, напр., Ярослав Г. Домбровский, который представлял себе, что будет основана (с помощью Наполеона Бонапарте) федерация поляков, хорватов, словенцев и венгров — что-то в роде Швейцарии. Однако, главным образом только русские революционные демократы понимали славянскую идею как сотрудничество славянских и неславянских народов и как составную часть революционно-демократической борьбы вообще

(борьба против царизма, усилие к социальному освобождению деревенского народа, борьба за равноправие национальностей). Польские демократы домогались сотрудничества славянских народов с неславянскими, однако некоторые их конкретные предложения на „славянскую федерацию“ в роде средневековой польско-литовской унии были объективно вредны для украинцев и белорусов.²

Недостатком славянских программ чешских или словацких радикальных демократов периода 60-х—70-х гг. была их недооценка социального содержания предложений на славянское сотрудничество.

В общем, однако, формулировки радикальных демократов сотрудничества славянских народов (и с неславянскими) представляют кульминацию идей славянской взаимности. Вообще можно сказать, что 60—70 гг. представляют кульминацию славянской идеи в своем первом периоде — кульминацию общечеловеческих чувств и настроений или выражений симпатий и готовности к борющимся братским славянским народам. Значение идеи славянской взаимности в понимании радикальных демократов, в том числе и предложений на „славянскую федерацию“, вытекает тоже из сравнения с разными федерационными планами, предложенными некоторыми эмигрантами средневропейских народов на Западе (следовательно, с бóльшим или меньшим согласием некоторых правительственных деятелей Франции и Англии). Мы уже говорили о планах Кошута и Чарториского, которые рассчитывали в 40—50 гг. на турецкую военную помощь против России (даже в случае распада габсбургской монархии!). Так как Чарториский и Кошут предполагали, что основой реорганизации территории средней и юго-восточной Европы будут восстановленная Польша в пределах 1772 года и целостная историческая Венгрия, они не дождались согласия на это ни чехов, ни хорватов, ни румынов, ни словаков.³ Новое предложение Кошута 1862 года на создание „дунайского союза“ (с ним был согласен тоже Маццини) рассчитывало уже на распад Турции, некоторые концессии предназначались для хорватов и сербов, однако не для румынов в Трансильвании. О словаках не говорилось вообще. Необходимо добавить еще, что внутренняя венгерская политика отрицала эту „торунскую программу“ создания „дунайского союза“ Кошута (без чехов и поляков), указывая на то, что она угрожает целостности Венгрии!

Нельзя в рамках этого труда обсуждать и оценивать все предложения по решению междугосударственных отношений в средней и юго-восточной Европе, как их предлагали отдельные лица (поляки, итальянцы, мадьяры и др.) в 19 столетии. Особого внимания заслуживают, наверно, тоже австрийские (Fischhof) и чешские (Палацкий в Кромержиже в 1848 г.) предложения, касающиеся федерализации габсбургской монархии на основе этнических пределов. Было бы необходимо тщательное исследование и об-

суждение идей демократических деятелей средневропейских народов в 60 годах, касающихся преобразования Европы — их предложения по сотрудничеству в борьбе против габсбургской монархии или против царизма и турецкой империи: предполагалось ссединение поляков из всех трех аннексий и восстановление Польши (эти идеи отстаивали тоже Маркс с Энгельсом) или присоединение австрийских итальянцев к объединенной Италии, думалось о единстве южных славян и т. п. Венгерские демократы были готовы признать (напр. Арань — Arányi) равноправие как румынам, так и словакам.

Завершение буржуазной революции „сверху“ в габсбургской монархии в конце 60-х годов и результаты освободительных войн на Балканах в 70-х годах (встретившихся с симпатиями австрийских и русских славян) представляли собой конец первого периода развития славянской идеи и начало нового периода. В новых политических и экономических условиях отдельных славянских стран конца 19 и начала 20 веков буржуазия начала смотреть на славянскую идею „более реалистически“ — начинает превышать у нее интерес к собственным национальным и, прежде всего, классовым нуждам, побеждает у нее ориентация на „договор“ с Габсбургами. Однако, ни после 70 гг. не отказывались от славянских лозунгов. Чешская и словацкая буржуазия все еще писали в 80-х—90-х годах о междуславянских отношениях и о царской России. Однако, здесь имеем дело с политической тактикой, при помощи которой буржуазия остерегалась от великонемецких агрессивных намерений австрийской буржуазии и которая была должна действовать на венское правительство в деле изменения внешней политики (заключения союза с Россией). Бессодержательность чешского буржуазного русофильства (царефильства) в культурной жизни постиг писатель Вилем Мрштик, который в 1896 году жаловался на безразличие к делам „Русской библиотеки“ (в которой печатались произведения русских реалистов). Мрштик тогда написал, что „все это наше славянство низвергается в бессодержательное подлое ничего, вся эта любовь (к России) является фразой и грязью для ослепления глаз...“⁴

О чешской буржуазии можно сказать, что в 80—90 гг. занималась „славянством“ только как одним из средств агитации и пропаганды, помогающих достижению собственных классовых целей. Некоторые славянофилы понимали славянскую идею еще в 80-х—90-х годах как „идеал и моральную опору“.⁵ На страницах чешской печати 1887—1891 гг. развернулась также обширная дискуссия по вопросу понимания славянской идеи, но не шла речь о принципиально противостоящих позициях.⁶ Группа радикальных демократов слилась уже в 60-х—70-х годах с младочешским крылом чешской буржуазной политики. Хотя и младочехи сначала употребляли более радикальные политические лозунги (напр., о всеобщем избиратель-

ном праве), все-таки у них не было в программе развитие национально-освободительного движения; поэтому они не нуждались в более частом употреблении лозунгов о славянской солидарности, чтобы установить связь с демократическими патриотами других славянских народов или чтобы мобилизовать народных масс к борьбе против габсбургской монархии.

Мы включили в демократическое течение чешского „славизма“ (slovanství) конца 19-ого и начала 20-го вв. некоторые выступления Елинека и Черного; вновь надо подчеркнуть выступление студентов в 1891 году и затем (некоторые группы так называемых „прогрессистов“), которые вместе с пропагандой идеи славянской солидарности подчеркивали общественную дифференциацию (выдвигали тезис о том, что споры между народами вызывают господствующие классы). Однако, ни Елинек, ни Черный не находятся в какой-то принципиальной противоположности тогдашнему официальному буржуазному славянофильству. В выступлениях Елинека, Черного, Гайна и других мы подчеркиваем их сопротивление против реакционного австрославизма и царфильства, или же против неославизма, которые объективно и часто тоже субъективно вели к поддержке господствующих классов габсбургской монархии.

Здесь мы имеем в виду австрославизм 70—90 гг. или же неославизм начала 20 века. Наша критика этих „программ“ или „идеологий“ касается, прежде всего, их взглядов на внутреннее устройство габсбургской монархии. Одновременно мы предупредили, что при помощи австрославизма и неославизма реагировали чешская или словенская, хорватская или словацкая буржуазия на известные цели великонемецкого движения,⁷ или же на мадьярский шовинизм.⁸ Этим, конечно, не хотим утверждать, что, может быть, неославизм был внешне-политически обоснован. Неославизм не обладал теми объективными качествами, какими обладало сербское и болгарское „славянство“ с антитурецкими целями в 1908—1912 гг. И здесь, конечно, необходимо различать народные патриотические настроения от политики сербской или болгарской буржуазии, которые избирали по обстоятельствам тактику сотрудничества с Австро-Венгрией (Германией) или Россией к достижению собственных великосербских или великоболгарских целей.

Если сравнить внешне-политические аспекты славянских программ (в том числе и панславистских выражений) с экспансивным пангерманством, то никак не значит, что мы хотим извинять шовинистские выступления славянских общественных деятелей. Было бы необходимо обширнее исследовать воздействие некоторых славянских программ на внутреннюю национально-политическую (культурную) жизнь того или иного славянского народа. Если сначала (перелом 18—19 вв.) славянская идея оплодотворила язык, литературу и науку мало развитых и развитых славянских народов

и помогала развитию национально-освободительного движения (за единство разных областей одного народа, за объединение близких народов), то консервативное русофильство, напр., словацких народниаров, которое отдавалось пассивной уверенности в „помощь“ России, было соучастником известного опоздания в усилиях к повышению культурного и экономического уровня словацкого народа в 70—80 гг.⁹

Зарождается вопрос, не мешали ли некоторые выражения „славянства“ в общественно-политической или культурной жизни проникновению более прогрессивных политических, экономических и культурных идей. Литературоведы указывают на некоторые моменты „односторонности славянской концепции“ в чешской или славянской литературе прошлого столетия и на „замедлительную“ функцию славянской идеи в определенных периодах национального движения чешского или словацкого народов. Особенно в Словакии была явна разница между оцепенелым царфильством мартинских „народниаров“ (словацкие буржуазные националисты второй половины 19 века), ожидающих победы России в возможной европейской войне, и между усилием молодой буржуазной интеллигенции (так называемые „гласисты“ — сторонники проф. Масарика) к распространению просвещения „мелким трудом“ среди деревенского народа, к основанию культурных и экономических обществ и т. п.

Также в Чехии распространялись „более реалистические“ или „более положительные“ идеологические и политические программы, чем был австрославизм. Однако, в 80—90 гг. не шла речь о противоположности австрославизма и более прогрессивной политической и философской теории — не шла речь уже о консервативной политике буржуазии славянских народов в Австрии и о передовой европейской демократии, как в 1848 году. Западноевропейские политические, культурные и философские идеи конца 19 века изображают уже новый фазис развития буржуазной демократии, целью которого было, прежде всего, сохранить капиталистический общественный строй, помешать революционным взрывам и революционной идеологии. Хотя „реализм“ Масарика критиковал реакционное младочешское „славянство“, однако он не сопоставлял свое „западничество“ с проавстрийской лояльностью. В стремлениях некоторых чешских политиков конца 19 века отстоять „чешский вопрос“ в западноевропейской публицистике и политике никак не шла речь о противоположности „западничества“ и „славянства“. Второй вопрос превышал в ежедневной печати (и в литературе!) в течении всего периода вплоть до Первой мировой войны. Только после провала царской России начала сначала в эмиграции и с весны 1918 года и дома на родине превращать в чешской буржуазной политике ориентация на Запад. О „славянстве“ не говорилось. Забывали о нем и прямо его отвергали представители легионов в России после ноября 1917 года.

Верно выразил неправдивость чешского буржуазного славянофильства Ярослав Гашек, который, между прочим, таким образом реагировал в декабре 1917 года на сообщения о планах перевезти чехословацкие легионы из России во Францию: „Столько мы наболтали про славянство...“¹⁰

Можно заключить (период с 70-х гг. 19 века до 1914—1918 гг.), что реакционность разных буржуазных славянских программ состоит прежде всего в их ориентации „про домо“, в их социальном содержании, в их целях помирить Австрию и Россию (неославизм), в их усилиях к „отворачиванию внимания от внутренних дел“ (русское славянофильство).¹¹

Далее мы попробовали объяснить, каким образом навязывали рабочие на демократическое течение „славянства“, начиная с 70-х годов прошлого столетия. В рабочем движении, разумеется, не шла речь о сознательном продолжении демократического характера славянофильства. В действительности, рабочее (социалистическое) движение не только резко критиковало „царефильское славянство“, но иногда даже относилось с недоверием к лозунгам славянской взаимности вообще. Связь рабочего движения с демократическим течением „славянства“ можно видеть с одной стороны в наклонении славянских радикальных демократов к социалистическому движению, или в некоторых выражениях симпатий рабочих к борющимся балканским славянам в 70-х гг. и к революционным русским в 80-х годах. Рабочая печать стала интенсивно обращать внимание на проблемы поработанных славянских народов и именно также на идеи славянской солидарности, главным образом в период нарастания первой русской революции.

Наступление оппортунизма в рабочем движении отдельных славянских народов в период до первой мировой войны вело в Чехии и Моравии к неклассовому взгляду на „славянство“ (правые социал-демократы даже были согласны с неославизмом). Левые социал-демократы в Польше, Болгарии и Сербии выдвигали тогда, прежде всего, антимилитаристические и антивоенные лозунги вместе с левыми социалистами неславянских народов. Однако, лозунги славянской солидарности обладали среди народных масс и впредь потенциальным революционным содержанием, о чем свидетельствует реакция органов габсбургской монархии на сербофильские или русофильские выражения в 1918 г. и в 1912—1913 гг. Австро-венгерские власти потом во время войны даже опасались этих славянофильских настроений в Чехии и у южных славян¹² больше, чем забастовок рабочих. (Именно Вена и Будапешт часто полагались на лояльность лидеров социал-демократических профсоюзов славянских народов.) Мы предполагаем, что славянское чувство народных масс отдельных народов габсбургской монархии, о котором мы могли узнать во время отклика первой русской революции, во время балканских событий 1908 и 1912 гг., во время первых годов войны

и затем в 1917—1918 гг., представляло мощного союзника революционного рабочего движения.

Однако, революционные представители рабочего класса во время войны не поняли последовательности связи идеи славянской солидарности с лозунгом права на самоопределение. Национально-освободительные настроения и движения (с весны 1917 г.) или недооценивали, или отрицали их как буржуазно-националистические (централистические социал-демократы). Диалектику лозунга права наций на самоопределение (проповедовать самостоятельность и стремиться к сближению народов) понимали у нас частично только некоторые левые социал-демократы (Филипп Добровольный).¹³ Левые социал-демократы в Сербии (Душан Попович) и в Болгарии затем пропагандировали во время войны идею федерализации Балкан, а именно уже в социалистическом смысле. После войны, в январе 1920 г., состоялась в Софии встреча балканских федералистов уже как представителей молодых коммунистических партий (Югославии, Болгарии и Греции), на которой говорилось о образовании комиссии трех стран по вопросам балканской федерации; ее секретарем был Георгий Димитров.¹⁴ Как известно, лидеры молодого советского государства советовали тоже рабочим распадающейся Австро-венгерской монархии добиваться создания единого „союза свободных народов“;¹⁵ Однако, печальный опыт народных (и рабочих) масс с австро-венгерским режимом мешали распространению идей федеративного устройства средней Европы. Преобладала мечта о национальной свободе и государственной самостоятельности; националисты руководства социал-демократических партий у нас, в Польше и Югославии, однако, эти мечты поддерживали обещаниями „социализации“ крупной промышленности и т. п.

* * *

В новых условиях после 1918 года „славянство“ уже потеряло для буржуазии значения „внешне-политического направления; наоборот, скорее мешало в ее новой, прозападной ориентации. И именно потому писал Бенеш свое произведение „Проблемы славянской политики“, в котором (и не только в нем) признался в своем профранцузском кредо.¹⁶ И когда Бенеш в 1927 г. уполномочил посла Гискру в Варшаве „выступить с речью о славянской взаимности“, тогда одновременно послал в Берлин агрария Хвалковского, чтобы поговорил о „интимных отношениях республик на обеих противостоящих сторонах судетских гор“.¹⁷ Было, наверно, правильно, поддерживать мирные связи с Веймарской немецкой республикой, но неправильно у нас недооценивали выражений немецкого реваншизма против Польши. Легионерское „Национальное освобождение“ утешалось 25 августа 1929 г. словами известного английского публициста У. Стида (W. Steed),

что немцы, несмотря на нацистские утверждения, не употребят Верхней Силезии и Гданьска как „казус белли“ против Польши. Еще в начале 30-х годов у нас недооценивали выступления нацистов, которые в то время подготавливали ирредентическую активизацию членов немецких национальных групп в средней и юго-восточной Европе.

Масарик и Бенеш полагались в внешней политике на западные государства и одновременно думали (по замыслам западных империалистов) о определенной организации государств „восточной Европы“, в которой хотели применить гегемонию „более развитой“ чехословацкой буржуазии. Масарик выдвигал перед западными союзниками уже во время войны (в произведении „Новая Европа“) возможность „естественной организации зоны малых народов“ от Балтийского моря вплоть до Балкан — и это все в роде предположения или составной части будущей „объединенной Европы“. Бенеш потом стремился сразу же после войны к союзу стран средней Европы, но его „Малая Антанта“ (первоначально насмешливое название в венгерской печати) осталась без Польши. Союз против возможной реставрации Габсбургов в Австрии или против венгерского реваншизма не было достаточным соединяющим звеном „Малой Антанты“ в 30-х гг. Бенеш, вероятнее всего, намеревался предлагать и проводить „новый порядок“ в средней Европе также при помощи экономических договоров, но взаимная борьба конкурентов отдельных групп внутри государств и борьба между государствами мешала укреплению экономических отношений в средней и юго-восточной Европе. Некоторые голоса за таможенную унию (между Чехословакией и Польшей, или между Болгарией и Югославией) не дождалась большего отклика. Пока тем, как Малая Антанта приступила к конфедерациям в экономических отношениях только в 1933—1934 гг., пока тем, как в то и позднее время некоторые наши славянофилы упивались „чешской задачей“ в торговых отношениях между славянскими государствами, стала Германия (нацистская!) во второй половине 30-х годов постепенно добиваться решительного влияния в экспорте и импорте дунайских и балканских стран. Не шла речь только о экономических отношениях. Ведь в многих немецких публикациях в 20—30 гг.¹⁸ о „Mittel-europa“ указывалось на то, какие „задачи“ Германии в средней и восточной Европе.

Нельзя здесь перечислять и оценивать разные предложения на решение „среднеевропейского“ или „дунайского вопроса“ (как их предлагали, напр., француз Тардие (Tardieu), венгер Елемер Гантош (Elemér Hantos),¹⁹ австриец Виктор Бауэр,²⁰ словак Годжа²¹ и др.), или же „северо-восточные“, или „балтийские вопросы“ (Пилсудского идея „северо-восточной федерации“), или „балканского вопроса“ (по инициативе грека Паппанастасиу). Несомненно, чехословацкая буржуазия была готова к некоторым уступкам

австрийской и венгерской буржуазии в развитии предложений на „новую систему средневропейскую“, однако не к таким, которые удовлетворили бы реваншистские настроения в Венгрии. И чехословацкое „средневропанство“ сталкивалось не только с австрийской „Мителойропей“ или венгерским „Донаураумом“, а также с предложениями конкурентов на „северо-восточноевропанство“ Пилсудского и, главным образом, Веска, которые претендовали на гегемонию на территории „между Германией и Советским Союзом“ и „от моря к морю“, и которое было агрессивно против СССР.²²

Однако, к осуществлению „средневропейской семьи“²³ не хватало масарико-бенешовской гуманности, не хватало ни готовности Годжи к помирению „аграрной демократии“ с итальянским фашизмом (о котором Годжа думал, что является противником австро-германской таможенной унии).²⁴ Для средней Европы или для Европы вообще не было лекарства ни в форме „Панъевропы“, которую пропагировал австрийский публицист граф R. N. Coudenhove-Kallergi²⁵ и которую пытался осуществить на почве Лиги Наций французский премьер-министр Бриан (Briand).²⁶

Исходя из интереса и участия чехословацкой буржуазии на тех или иных планах „преобразования“ средней Европы, или устройства „Панъевропы“, можно сказать, что „славянство“ не представляло для чехословацкой буржуазии почти ничего.²⁷ Уверенность в „восстановленную Россию“ потом явилось, „— как известно из кругов национально-демократической партии —“ собственным увлечением их лидера К. Крамаржа. Правое крыло национальной демократии потом в 30-х гг. связывало лозунги славянства со своими опытами фашизации.

Можно подытожить, что задачей чехословацких буржуазных „славянских программ“ в период первого десятилетия после 1918 года было помешать возможной перемене русофильства в советофильство.

Отдельные политические партии (национально-демократическая партия, аграрная партия, национальные социалисты) стремились при помощи „славянства“ втираться в благосклонность избирателей „малого чешского народа“. Одновременно, чехословацкая буржуазия проводила (так называемая „кремлевская группа“) сразу же после 28 октября 1918 г. прозападную пропаганду (выступления Масарика о благодарности западным союзникам за их „заслуги“ и освобождение и т. п.), в науке, литературе и искусстве поддерживаемые Радлом, Жалоупецким и Шустой. Было, однако, несколько людей, которые верили и жили идеей славянской взаимности. Но большинство этих сторонников славянской взаимности — пусть они не понимали только как культурную взаимность или даже как идею „миссии славян“ в мировой истории — согласовалось в совместной антисоветской предвзятости. Реакционные славянофилы верили, что несомненно восстанет „свободная Россия“, которая потом вступится за южных и западных славян!

Потому искали новую „славянскую философию“, так как, мол, настоящая „славянская идеология“ переживает „кризис“. На разных вечеринках (напр. в Праге²⁸) велись прения по вопросу содержания славянофильства и выражалось желание, чтобы славяне стали „одной душой“. Некоторые чехословацкие и польские культурные деятели в частной корреспонденции даже радовались тому, что славяне в недалеком будущем совершат свою „историческую миссию“.

Мы обратили внимание на то, что в Чехии и в других странах занимались славянской идеей в разных взаимных обществах, которые (в некоторых случаях) снискали заслуги в области взаимного ознакомления с жизнью славянских стран. В этом направлении снискал заслуги журнал „Славянский обзор“ — (Slovanský přehled). Больше ожидалось от официальной славистики, которая лишь в сравнительных трудах о литературе помогала узнать о актуальной обстановке славянских народов.

Все-таки, и в буржуазно-демократических кругах раздавалась критика нашей культурной политики по отношению к СССР. Журнал „Наше время“ — (Naše doba) в 1926 г. обвинила за это „абсурдное положение“ „романтического Крамаржа“. В действительности виноват не был только Крамарж, но и Бенеш. На антисоветскую линию Бенеша обращал тогда внимание Зденек Неядлы. В 1934 году Я. Славик признавал, почему Чехословакия „задержала“ признание Советского Союза: „Причиной были опасения ‚могучести‘ Чехословацкой коммунистической партии, для которой, де, официальные чехословацкие сношения с Москвой были бы ‚моральной опорой‘.“²⁹

Антикоммунизм не позволял представителям Чехословакии понять взгляды некоторых более разумных буржуазных демократов, которые признавали необходимость дипломатических, экономических и культурных сношений с Советским Союзом (Лига сотрудничества с Новой Россией), которые справляли нашу общественность о том, что „в советском режиме мы должны видеть русский народ“,³⁰ и которые побуждали к тому, „не забывать о русской культуре“.³¹ Абсурдность состояния наших отношений к СССР до 1934 года точно выражают и слова одного из национально-демократических журналистов, который в 1935 году написал: „К нашему удивлению, Россия, в которую мы до войны возлагали все свои чрезмерные надежды, как будто бы после войны не существовала... Это было так наивно, будто бы астроном забыл об одной из самых больших неподвижных звезд.“³² Нельзя установить силу чехословацкого русофильства в период с 1918—1933 гг. Дело в том, что симпатии рабочих к СССР были качественно иными, чем довоенное или революционное народное русофильство. Самы буржуазно-демократические публицисты признавали в 1934—1935

годах, что у нас и после войны осталось наследие русофильства очень сильным.³³

Интерес „кремлевской группы“ чехословацкой буржуазии к России и к славянским народам с целью поддерживать идею славянской солидарности („Slovanský přehled“, печатные материалы национальных социалистов) мы назвали „республиканским славянством“. Мы считаем его прогрессивным настолько, насколько оно помогало укреплять антифашистские настроения нашего народа и насколько помогало сближению нашего государства с Советским Союзом.

Приблизить нашим народам жизнь Советской России, Советского Союза, вести наш народ к изучению опыта нового общества наибольшей части населения Советского Союза (славянских народов) — это являлось главной целью русофильства или славянофильства Зденека Неедлого после 1918 года. Неедлый исходил из факта, что у нас и в дальнейшем в народе осталось эмоциональное отношение к революционной и социалистической России и с успехом потрудился завязать и продолжать в наследии русофильства: он учил познавать и понимать Советский Союз (как государство трех славянских наций), который показывает остальным родственным народам путь вперед — „к высшей свободе“. Неедлый понимал „славянство“ как форму передового патриотизма своего народа и сравнивал его с пролетарским интернационализмом.

В отличие от довоенного славянства (народного) итак, не имело Неедлого понимание славянства (Неедлый когда-то говорил о „новом славянстве“) только оборонительный характер против угрозы со стороны Германии (эта угроза, впрочем, в 20 гг. не была явной), но имело, в конце концов, просоциалистические цели.

Наступление нацизма в Германии заставляло „славянство“ опять стать средством защиты против новой опасности пангерманизма. И, прежде всего, в таком смысле слова понимали советские люди в 1934—1935 гг. идею славянской взаимности — как идею солидарности Советского Союза с славянскими народами, находящимися под угрозой. Советский Союз, разумеется, будучи социалистическим государством, не занимался, и не мог заниматься, никаким „славянством“ ни в своей внешней, ни внутренней культурной политике, но зато он дал пример „настоящей славянской политики“ (выражение Неедлого) тем, что предоставил равноправие украинцам и белорусам. В 20-х гг. буржуазно-демократические публицисты у нас (в Славянском обзоре) и в других странах также признавали, что советское правительство развернуло большие кампании по украинизации и белорусифицированию школ и культурной жизни вообще на территории советской Украины и Белорусии.³⁴ По отношению же к Чехословакии тоже

с советской стороны несколько раз „дошло к реминисценции славянства“ в дискуссиях среди русских, украинцев и чехословаков³⁵.

Хотя академик Державин в официальном органе восстановленной советской славистики, Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, в 1932 г. отвергал пережитки славянофильства, в том числе и „взаимности“, называя их „идеологией классово вражеской пролетариату“, однако, он не имел в виду довоенное, но лишь послевоенное буржуазное „славянство“, цели которого в настоящем были антикоммунистические и антиреволюционные. Нацизм, однако, взяв в свои руки власть, принуждал и советскую политическую публицистику и специалистов к тому, чтобы уделяли больше внимания вопросам взаимности славянских народов. Советские авторы обращали внимание на реваншистские цели немецких нацистов против славянских народов и одновременно указывали на родственные и эмоциональные отношения между славянскими народами. Заявление советского правительства о готовности помочь славянским народам, находящимся подо угрозой, вызывало у нас новые волны симпатий, доверия и восторга к „России“, к славянским народам Советской России и к Советскому Союзу вообще.

Развитие после 1933 г. вело тоже коммунистические партии славянских стран к проверке взглядов на „славянство“. Коммунистическая партия Чехословакии поступала правильно, отрицая в 20 гг. буржуазное „славянство“ как антисоветское и антиреволюционное. Коммунистическая печать критиковала антисоветскую позицию чехословацкого правительства, притом не осуждала традицию восторга и симпатий чешского и словацкого народов к России. Несколько раз можно прочесть в газетах „Руде право“ и „Ровност“ о „России, любимой чехословацкому народу“³⁶. Однако, излишним было недоверие к выражениям славянской взаимности после 1933 г. Возможность солидарности всех народов средней Европы, в том числе и австрийского и венгерского была переоценена.³⁷ Было бы, конечно, для коммунистов нетактично выступать с пропагандой идеи славянской солидарности, напр., в пограничных областях с преимущественно немецким или венгерским населением. Подходящим образом был использован лозунг „славянского советско-польско-чехословацкого фронта“ в чешско-польской пограничной области. Коммунисты, значит, понимали идею солидарности славянских народов как одно из средств, побуждающих к защите республики от опасности немецкой агрессии, подчеркивая притом союз с Советским Союзом.

Советский Союз был готов в 1938 году помочь Чехословакии; это признают даже буржуазные авторы. Даже Бенеш и некоторые его сотрудники на Западе считались в период до 1939 года с помощью Советского Союза

(но в сотрудничестве с Англией и Францией). Зденек Фирлингер, чехословацкий посол в Москве, обращал внимание Бенеша в июне 1939 г. на выступление Молотова о „славянском народе (пон. чешском!), который стал жертвой агрессии“.³⁸ Зато, говорят, предал Советский Союз чехов и поляков в 1939—1941 гг. Западные авторы при описании советской политики того периода ссылаются на разные цитаты гитлеровской и московской печати того времени, на выступления некоторых советских государственных деятелей и т. п. Некоторые советские выступления о международной обстановке после 1939 г. были действительно настроены в духе немецко-советского пакта о ненападении. Как известно из материалов, предложенных Н. С. Хрущевым на XX съезде КПСС, Сталин слишком полагался на то, что нацисты сдержат пакт; он сам потом не хотел дать предлог для его нарушения. Советское правительство, однако, которое протестовало против немецкой аннексии Чехии и Моравии в марте 1939 года, очень активно помогало организовать антинацистское сопротивление чехов и словаков в 1939--1941 гг. Советский Союз предлагал также буржуазной эмиграции в Лондоне в конце 1940 г. сотрудничество при организации антиоккупантского движения.³⁹

Менее благоприятно развивались советско-польские отношения в период с сентября 1939 до июня 1941 гг., однако по вине антисоветской польской буржуазной эмиграции, которая ловко пользовалась некоторыми крутыми мероприятиями советского правительства, намеренными первоначально против кулаков и против антисоветских элементов польского населения свободной западной Украины. События сентября 1939 года отделили же формирование польской марксистской партии из членов бывшей коммунистической партии, находящихся на территории Советского Союза. Только лишь на переломе 1940—1941 гг. опять велась подготовка к учреждению Польской Рабочей Партии (Polska Partja Robotnicza).

Наш обзор взглядов на славянскую идею 30-х гг. доказывает, что возникновение Общеславянского комитета в 1941 году не было случайным или каким-либо посторонним замыслом советского правительства или коммунистических партий. Неизвестно, при каких обстоятельствах представители советского правительства и Коминтерна решали летом 1941 года о том, как организовать Всеславянский комитет. Без никаких сомнений, однако, в 1941 году не шла речь о „целесообразной организации“, которая была бы противовесом движения славянских земляческих обществ с США, как о том утверждает западная публицистика. Нет сомнения, что вести о настроениях в славянских обществах за океаном содействовали решению об основании Всеславянского комитета. Из книги Джиласа „Встречи со Сталиным“ можно узнать о том, что Сталин во время войны несколько раз говорил об „единстве славян“. К концу войны Сталин, мол, заявил: „если славяне останутся в единстве, то в будущем никто не пошевелит даже пальцем“. „Единство

славян“ считал, де, Сталин необходимым, как предполагал, что немцы вновь приободрятся, позже всего за 15 лет. Тем, однако, мы не хотим утверждать, что, может быть, Сталин или представители Коминтерна или отдельных славянских коммунистических партий считали лозунги славянской взаимности главными лозунгами тогдашней пропаганды.

Можно сказать, что основание Общеславянского комитета было в собственном смысле слова вызвано современными условиями — положением оккупированных славянских народов. Возникновение Общеславянского комитета отвечало не только на потребности отдельных славянских народов, но и одновременно выражало идеи многочисленных слоев городского и деревенского населения. Доказательства о том существуют в бывших нацистских учреждениях в Чехии и Словакии. Следует добавить еще, что исконная уверенность чехов и словаков в Россию была иногда решающим фактором при решении об участии в Словацком национальном восстании (1944 год). Цирил Кухта, во время так называемого „Словацкого государства“ офицер армии и во время восстания член главного партизанского штаба генерала Асмолова, вспоминает о своем решении: „По происхождению я из старой панславистской (пон. общеславянской) семьи. Классовые и социальные элементы у меня не играли почти никакой роли, скорее решало чувство национальности, чувство славянское.“ И именно это чувство привело его к любви к СССР и, в конце концов, к коммунистической партии.⁴⁰ Мы могли бы цитировать и другие подобные выступления, которые подтверждали бы тезис Яна Швермы с 1943 года о том, что „вера в славянство является главным источником моральной силы чешского народа“.⁴¹

Это славянское чувство чехов и словаков создала также буржуазия в эмиграции, которая постепенно с 1939 года начала пользоваться лозунгами о „сотрудничестве славян“.

Правая группа чешской и словацкой буржуазии даже издала в апреле 1940 года „Идеологическо-политические тезисы Федерации Западных Славян“, в которых подчеркивали близкое кровное родство поляков, чехов и словаков и необходимость их совместной борьбы против немцев. Авторы проекта „Западнославянской Федеральной Унии“, однако, понимали свое „славянство“ по-националистически и по-фашистски. Так как, дескать, историю европейских народов на территории между Балтийским („федералисты“ стремились „ресславизовать“ историческое Поморье и верхних и нижних лужичан), Адриатическим и Черным морем создают славяне, именно они предназначены „выполнять роль организаторов и защитников свободы народа“, между тем как неславянские народы в будущем „Союзе средневропейских стран“, бы, мол, „свободно работали“. Объединение „двух великих славянских блоков“ — западного и южного — это было бы, по их словам, „прекраснейшее выражение славянской идеи“.⁴²

Общеславянский комитет, разумеется, отрицал такое понимание „славянской идеи“ и не претендовал на никакую „целостную идеологию“. Его задачей было вести славянские организации к помощи и развитию борьбы славянских народов против оккупантов в рамках антигитлеровской коалиции. Идея славянской солидарности стала тогда самым удобным средством мобилизации сил славянских народов против нацистских оккупантов. Правда, конечно, в том, что в некоторых выступлениях на почве Общеславянского комитета и в других местах слишком некритично повторялась фразеология периода первой половины 19 века⁴³ и что употреблялись выражения с сильным националистическим акцентом. Говорилось, напр., на митинге членов славянских военных частей, которые создавались на территории СССР, о необходимости „борьбы славян против немцев“, побуждали по-гуситски: „Бейте немцев и венгров без пощады“ и т. п.⁴⁴

Нельзя, однако, забывать о том, при каких условиях дошло к подобным выступлениям, выражающим ненависть прежде всего к фашизму и национализму.

Коммунисты не отступали от своих принципов пролетарского интернационализма ни во время войны. Членами Чехословацкой коммунистической эмиграции в Лондоне, например, и в дальнейшем остались товарищи немецкой национальности, в Словакии сотрудничали в партии также венгерские и немецкие товарищи, на некоторых собраниях Общеславянского комитета приняли участие также члены „Свободной Германии“ и т. д. В 1941—1944 гг., однако, коммунисты не могли настаивать на лозунгах периода до 1938 г., которые употребляли иногда также в 1939—1941 гг. (надежды в совместные акции с немецким и австрийским народами). Присоединение Венгрии и, наконец, Румынии к системе нацистской военной машины, несомненно, вело коммунистов Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии к стремлению усилить пропаганду славянской солидарности при развитии борьбы против оккупантов. Коммунисты, однако, одновременно реагировали на усиление антивенгерских настроений в Словакии в 1943 г., когда были открыты стремления правителей гортиовской Венгрии спастись от тонущего немецкого корабля предложениями сепаратного мира Лондону в условиях сохранения южной Словакии (и Трансильвании) в пределах послевоенного венгерского государства. Хотя Клемент Готвальд отвечал тогда на эти стремления, много раз подчеркивая важные принципы чешской и словацкой национальной политики, а именно „курс на славянскую солидарность“, одновременно объяснил, что неправильными являются мнения многих словаков и подкарпатских украинцев о „главной вине венгров“ оккупации южной Словакии. „Главным врагом нас всех является Гитлер, нацисты.“⁴⁵

С лета 1944 года начало меняться положение и возникла возможность

расширения антигитлеровской коалиции и урегулирования отношений славянских народов к Румынии и Венгрии. В Кошицкой правительственной программе характеризуется наше отношение к Венгрии следующим образом: „После исправления ошибок, совершенных венгерскими оккупантами, поддерживать стремления к сближению новой и демократической Венгрии (так же как и независимой и демократической Австрии) с окружающими славянскими народами и странами.

Лозунги Общеславянского комитета за освобождение славянских народов полностью совпадали с политикой советского правительства по отношению к поработанным народам или государствам в Европе. Советское правительство заявляло следующие свои военные цели: Освободить народы от фашистских оккупантов и помогать им при восстановлении их национальных стран.⁴⁷ Эта политика стояла в противоположность стремлениям западных союзников (и буржуазных эмиграций народов средней и юго-восточной Европы) создать конфедерации и разделить Германию. Как известно, правительство США предполагало уже весной 1940 г. (тогда еще не было в военном положении с Германией) возникновение трех „блоков“ в „восточной“ Европе: польско-балтийского, дунайского (Югославия, Венгрия, „Словакия“ и „Чехия—Моравия“!) и балканского (Румыния, Болгария и Греция). Английское правительство потом в 1940 г. давало импульс к провозглашению чехословацко-польской конфедерации, к которой должна была присоединиться подготовляемая югославо-греческая конфедерация и затем тоже балтийские государства.⁴⁸ Советское правительство по праву отказалось на собрании „Большой Антанты“ в Москве в октябре 1943 года от этих разных конфедерационных планов восстановления „антисоветского „cordon sanitaire“.

Под давлением коммунистической и демократической эмиграции и тоже, конечно, под давлением советского правительства, чехословацкое лондонское правительство отказалось от сотрудничества на конфедерационных планах с польской эмиграцией. Также буржуазная эмиграция приняла как директиву для чехословацкой внешней политики цели восстановления государственной независимости, опирающиеся и обеспеченные Союзническим договором с Советским Союзом.

Несомненно, что благоприятное воздействие на дальнейшее развитие национально-освободительного движения и нашей национальной и демократической революции вообще (ее развитие к дальнейшему этапу мирным путем) оказал тот факт, что „бенешовская группа“ чехословацкой буржуазной эмиграции присоединилась к Общеславянскому комитету и что „Чехословацкий комитет по славянской взаимности“ в Лондоне издавал от 1943 до 1944 гг. разные брошюры о славянской взаимности. Хоть члены эмигрантской группы Бенеша все еще обещали верность Западу и при новой

ориентации Чехословакии на Восток,⁴⁹ однако соучастие буржуазной эмиграции в организации Общеславянского комитета и в земляческих обществах в Америке (в славянских комитетах) было объективно прогрессивным. Пропаганда славянского наследия и русофильства чехов и словаков напр., в брошюре Гейрета или в некоторых статьях Й. Л. Громадки, опубликованных в американских земляческих журналах, помогала создавать новые отношения к СССР, или же приближать СССР американским читателям.

Мы уже предупредили о том факте, что нацисты боялись действия пропаганды „панславизма“ и что стремились помешать этой пропаганде во что бы то ни стало. Иногда выговорами (напр. летом 1940 года уговаривал Гитлер Тисо, что надо „подавить панславистские тенденции в Словакии и все идеи сотрудничества с Россией“), в большинстве случаев, однако, репрессалиями. Возможно, что нацистские власти увеличивали свои боязни „панславизма“. Нацистская идеология о „более низкой“ славянской расе, по-видимому, действовала не только на авторов директив об обращении с населением оккупированных славянских стран, но и на авторов известий о настроении населения. Антиславянский расизм лишал нацистов возможности использовать готовности украинских, белорусских или русских элементов к политическому сотрудничеству с оккупантами. Между тем как командование вермахта пользовалось антикоммунистическими элементами славянских народов, нацистские лидеры были согласны с политической деятельностью „Русского национального комитета“ (Власов) только в конце 1944 года. Ни позже, однако, нацисты не верили полностью предателю Власову. Попытке власовцев договориться со словацкими, хорватскими (Павелич), и сербскими (Недич) сотрудниками о совместном движении, которые хотели собраться 25 февраля 1945 года в Братиславе, руководство нацистской партии (Гиммлер) помешало: опасалось того, что совещание в Братиславе могло стать „панславистским конгрессом“.⁵⁰

Мы установили, что пропаганда идеи славянской солидарности достигла наибольшего подъема после 1944—1945 гг. — после освобождения Болгарии, Польши, Югославии и Чехословакии. Тогда были созданы национальные славянские комитеты и стали работать взаимные общества. В своем сотрудничестве с Общим славянским комитетом и с отдельными славянскими комитетами продолжали многие земляческие славянские общества в заокеанских странах (в США и в других странах) и после 1945 года. Причиной и источником воодушевления „славянской политикой“, как стали называть славянскую солидарность, были следующие обстоятельства:

— Речь шла, прежде всего, о проявлении радости и благодарности Советскому Союзу — освободителю за освобождение. Только лишь после войны узнали славянские народы подробно о том, какие были замыслы гитлеров-

ских оккупантов против славянских народов и какие бесчеловечности они совершали.

— Не были устранены опасения за возобновление милитаризма и реваншизма в западных оккупационных зонах в Германии. Выступление Черчилля в Фальтоне, государственного секретаря Вулнеса в Штутгарте и другие выступления свидетельствуют о том, что западные союзники антигитлеровской коалиции не намереваются соблюдать Потсдамское соглашение о денацификации Германии.⁵¹ — „Славянская политика“ как директива для внешней политики Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии, под конец, отражала действительность, что в 1945—1946 гг. не было еще вполне ясно, победят ли народно-демократические режимы тоже в Румынии и в Венгрии.

Представители освобожденных славянских стран стремились „славянской политикой“ обеспечить свободу и существование Болгарии, Югославии, Польши и Чехословакии и при посредстве внешней торговли и при культурных связях обеспечить тоже их внутренний подъем. Усилие к сотрудничеству между славянскими народами и, главным образом, к сотрудничеству с Советским Союзом служило к обеспечению мира в Европе и даже мира во всем мире и одновременно было одной из форм борьбы за укрепление народно-демократических режимов. В первом периоде (1944—1946 гг.) правильно подчеркивали в пропаганде идеи славянской солидарности ее „глубоко демократическое содержание“, которое позволяло более широкое сотрудничество политических групп в национальных фронтах. Коммунистические партии, однако, не скрывали своих социалистических целей. В отличие от того, буржуазные компаньоны в национальных фронтах подчеркивали „беспартийность“ или „надпартийность“ своего „славянства“, чтобы, мол, не препятствовать „панъевропейскому развитию“ в форме „Европейской Федеральной Унии“.⁵² Против славянской ориентации в внешней политике они вызывали в 1945—1947 гг. дискуссии о „Западе“ и „Востоке“, в которых доказывали нашу культурно-политическую, даже географическую принадлежность к Западу. Одновременно некоторые знаменитые буржуазные политики считали себя „русофилами“ (Г. Рипка в газете „Svobodné Slovo“ в декабре 1947 года), но подчеркивали общие демократические и неревolutionные традиции в отношениях чешских и словацких земель к России. Некоторые члены народной (христианской) партии после 1945 года воскрешали „христианские славянские кирилло-мефодиевские традиции“, которые, мол, были главными „духовными путями“ между всеми славянскими народами.

Послевоенное развитие пропаганды идеи славянской взаимности и солидарности нельзя, однако, видеть только в противоположности: коммунисты — буржуазия. Противоречивые взгляды на славянство существовали как

в буржуазном лагере, так и в рядах коммунистической партии, где некоторые довоенные члены смотрели на „славянскую политику“ по крайней мере с недоверием. Впрочем, издатель послевоенного издания приведенной научной статьи Яна Швермы „Славянская политика в чешской политике“ в введении предупреждал: „Есть такие, которые настоящую славянскую ориентацию нашей политики (пон., Коммунистической партии Чехословакии) считают вопросом только тактики в возникшей международной констелляции. Есть другие, которые в ней видят повторение старого панславизма. Некоторые думают, что речь идет о простом и выгодном использовании традиционных чувств“.⁵³ Эти „традиционные чувства“ действительно были у чехов и словаков очень сильными. Не уважать их, значило бы для политической партии закрывать дверь перед массами.

Развитие после 1948 года, когда руководящие деятели славянских коммунистических партий отказывались в своих выступлениях при взаимных визитах от лозунгов славянской взаимности (только Хрущев во время визита в Болгарию и Югославию в 1962—1963 гг. припомнил идею славянской взаимности), утверждало западных публицистов в мнении, что коммунисты действительно „злоупотребили“ идеей славянской солидарности. К сожалению, таким утверждениям помогла также издательская практика 50-ых годов, когда в наших странах „корректировали“ в издаваемых выступлениях коммунистических лидеров или в монографических трудах термины (1945—1948 гг.) „братский русский народ“ на „братский советский народ“!

В новой международной обстановке в 1947—1948 гг., когда становились явными враждебные отношения западных империалистов к народно-демократическим строям, и когда одновременно победил народно-демократический государственный строй тоже у наших соседей, коммунисты подчеркивали, что пропаганда славянской солидарности совместима с усилием к союзу с Венгрией и Румынией. Правильно указывали на нарастающее социалистическое содержание „славянской политики“ в новых условиях международной обстановки и внутреннего развития народно-демократических стран. Коммунисты остались пролетарскими интернационалистами также в 1945—1946 гг., когда отвергли шовинистские выражения национальных социалистов и членов Народной партии о расширении Чехословакии на севере и юге.

Сотрудничество славянских и неславянских народно-демократических стран, которое начало уже в 1947—1948 гг. не было „новой“ ориентацией против прежней и все еще продолжающей „славянской политики“ Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии, или же также Советского Союза. Новые отношения между славянскими и неславянскими народными демократиями средней и юго-восточной Европы с 1948 года не стояли в про-

тивоположность прежней „славянской политике“ или вообще идее славянской солидарности 19 и 20 вв. Ни после 1948 года не перестали славянские страны заниматься славянской взаимностью. Национальные славянские комитеты продолжали в 50-х годах свою деятельность. Состоялись неофициальные совещания представителей национальных славянских комитетов, на которых представители обсуждали дальнейшие культурные связи, обменивались опытом, информацией и т. п. Важно было усилие славянских комитетов в международных кампаниях за мир во всем мире (участие их делегатов на конгрессах сторонников мира и т. д.). В последних годах празднуют болгары праздник славянских братьев Кирилла и Мефодия (24 мая), между прочим, тоже как „День дружбы со славянскими народами“. Идея славянской солидарности, несомненно, остается до сих пор составной частью общественного сознания народа славянских наций. Однако, нет и не будет необходимо, чтобы славянская идея стала опять политической идеей, какой была еще в недалеком прошлом.

ЗАМЕЧАНИЯ

- ¹ Politické spisy K. H. Borovského III, 171.
- ² Против непризнания самобытности украинцев выступил Я. Дамбровски, который, однако, признавал за украинцами Галиции только автономию в рамках восстановленной Польши. — С. Bobińska, *Ideologia*, 48—55. Бобиньска далее обращает внимание на то, что отклонение польских демократов от сотрудничества с русскими революционными демократами во второй половине 19 в. понижает прогрессивность концепции „славянской федерации“, при которой не рассчитывали на Россию (Бобиньска, 81).
- ³ M. Kukiel, *Czartoryski and European Unity 1770—1861*, Princeton 1958; J. Kühl, *Die Föderationspläne im Donauraum*, München 1958.
- ⁴ F. Vodička, *Účast slovanství na formování vztahu mezinárodní individuálnosti a světovosti v české obrozenecké literatuře (Československé přednášky pro V. Mezinárodní slavistický kongres*, Praha 1963, 193).
- ⁵ E. Jelínek, *Pro shodu česko-polskou*, Praha 1887, 27—29.
- ⁶ V. Šťastný, *Polemika v Času roku 1891 o polsko-ruské otázce (Slovanské historické studie V/1963*, 85—124).
- ⁷ Krasuski, *Spór o orientacje imperializmu niemieckiego*, Poznań 1961.
- ⁸ *Historický časopis* 1960/2—3.
- ⁹ *Historický časopis* 1960.
- ¹⁰ J. Křížek, *Jaroslav Našek v Rusku*, Praha 1957, 134.
- ¹¹ Ленин несколько раз обличал — в особенности в 1908 и 1912 гг. — захватническую политику царизма на Балканском полуострове и одновременно шовинистскую пропаганду кадетов и октябристов относительно „славянских братьев“ (Сочинения, 4-ое издание, т. 15, 138). Кажется, однако, что Ленин в первый момент переоценил значение „младотурецкой революции“ 1908 г. Правильно, однако, Ленин обращал внимание на „прозрачное стремление (кадетов) отвлечь внимание от внутренних дел России“ при тирадах о „славянских задачах“ и при „травле“ (Русского слова) против Австрии.
- ¹² L. Otáhalová, *Souhrnná hlášení pražského místodržitelství 1915—1918*. — Автор предисловия, Юрий Кржижек, думает, что эти опасения австрийских властей были преувели-

- личены. Конечно, австрийские власти принимали тогда во внимание также установленные выступления русофильски настроенных чешских или же словацких солдат русского фронта, где переход двух чешских полков (36-ой и 28-ой пехотные полки) должен был вызвать в Вене большой испуг. Чехословацкие военные историки (например, Ярослав Кржижек в книге *Jaroslav Hašek v Rusku*) говорят об „общеславянском восторге“ многочисленных чешских и других славянских пленных в России.
- 13 Я предупредил о некоторых его выступлениях в статье *Boje českého dělnictva v prvních měsících vzniku ČSR (Ke vzniku ČSR, Praha 1958, 51—89)*.
- 14 K ü h l, *Föderationspläne*, 28—29.
- 15 *Sborník dokumentů k prosincové stávce 1920, Praha 1954*.
- 16 E. B e n e š, *Francie a Nová Evropa, Praha 1935*. — Бенеш здесь высказал уверенность в победе „западноевропейского рационализма“ над „восточным инстинктивизмом“ (и над „российской революцией“).
- 17 *Naše doba XXXIV*, 429—430.
- 18 G. W i r s i n g, *Zwischen Europa und die deutsche Zukunft, Jena 1932*.
- 19 E. H a n t o s, *Der Weg zum neuen Mitteleuropa, Berlin 1933*. — Венгерская концепция „Подунайской области“ с противонемецкими элементами намечена в другой работе Гантоса *Neuordnung des Donaupraumes, 1935*.
- 20 V. B a u e r, *Zentraleuropa, ein lebendiger Organismus, Brünn—Leipzig 1936* — отстаивал теорию „среднеевропейизма“ как скрытого типа общества, возникшего смешиванием славянских, латинских, германских, венгерских и еврейских элементов. Среднеевропейское „родство“ должно, де, найти себе применение. Центр „наднациональной“ среднеевропейской общности должен был находиться в Вене.
- 21 Славянская идея чехословацких аграриев (болгарин Стаинов говорил в 1921 г. о „демократическом панславизме“) была началом их „среднеевропейизма“. Уже в 1926—1928 гг. удалось привлечь к „зеленому интернационалу“ также аграриев Румынии, Финляндии, Прибалтики, Греции и группы аграриев Австрии и Германии, даже и Швейцарии и Франции. — J. K ü h l, str. 134.
- 22 A. B o c h e ŋ s k i, *Między Niemcami a Rosją, Warszawa 1937*. J. Łukasiewicz, *Polska jest mocarstwem, Warszawa 1939*. — A. Wojtecki, *Sprawa Europy Środkowej, Warszawa 1939*. — Уже раньше польская правительственная публицистика нападала на Чехословакию как на „жизнеспособный организм на теле Европы“.
- 23 J. S k., *Naše doba XXIX (1921—1922)*.
- 24 О планах Гожди на сближение Малой Антанты с так называемым Римским пактом (1934 — Италия, Австрия и Венгрия) и с Балканским договором или же с балтийской группой см. *Věstník Československé akademie zemědělské, roč. XII*.
- 25 R. N. C o u d e n h o v e - K a l l e r g i, *Pan Europa, Wien 1923*.
- 26 План Бриена (Briand) пропагандировал Херио (Herriot), переведенную книгу которого под названием „*Evropa budoucnosti*“ (Praha 1931) ввел Бенеш. — В „более социальном“ смысле пропагандировал в ЧСР „*Spojené státy evropské*“ (Praha 1926) правый социал-демократ Яромир Нечас.
- 27 F. M o d r á č e k (Ve víru národů. Úvahy o naší zahraniční politice v minulosti a přítomnosti, Praha 1926) не хотел полагаться на Лигу наций. Он не отказывался бы от идеи дуалистического государства чехословацко-польского, но лучше хотел бы „нейтрализм“ и гарантию Запада и Германии. — Такие советы не приносили Бенешу пользы!
- 28 *O slovanském sjednocení, Praha 1926, 6—7*.
- 29 J. S l a v í k, *Úprava našeho poměru k SSSR, Sobota 1934, стр. 515, 539 и 580*. — Славик сваливал вину и на „гермофильскую(!) политику советского правительства“.
- 30 K. V e l e m i n s k ý, *Rusko včera a dnes, Praha 1929*.

- ³¹ F. Kubka, Ruská kultura a my, Naše doba 1933, 73.
- ³² E. Sobota, Naše doba 1934/1935, 257.
- ³³ Naše doba 1934, 15—23 (J. B. Kozák). — Praha—Moskva 1936/1: „Руско а Европа — kdysi а nyní“, K. Krofta.
- ³⁴ Это было нелегкое дело. Вспомним обстоятельства, при которых возникла Советская Украина. „Чистки“ в период культа Сталина (30 гг.), направленные против украинских националистов, касались, к несчастью, также коммунистических кадров.
- ³⁵ E. Beneš, Úvahy o slovanství, 232.
- ³⁶ Rovnost 15. 11. 1924.
- ³⁷ В. Копецкий писал для венгерской печати: „Народ всех государств подунайской области найдет путь, чтобы перед лицом всей Европы дать выражение своей дружной воли, чтобы на основе Народного фронта провести ее, взяв судьбу Подунайской области в свои руки и решить последнюю в смысле братского антифашистского союза государства Подунайской области. — Tvorba 9. 7. 1937.
- ³⁸ J. Křen, Do emigrace, Praha 1963, 494.
- ³⁹ Вспомним содержание ноты гитлеровского министерства иностранных дел от 22 июня 1941 г., в которой указывается на подрывную деятельность советского генерального консульства в чешских странах, на создание коммунистических листовок в Словакии и в Югославии, на „данславистскую маскировку антинемецкой травли“ в захваченной Польше, на советские вмешательства в Болгарии и в Югославии весной 1941 г. и т. д. Гитлеровцы, конечно, преувеличивали и придумывали советскую „подрывную деятельность“.
- ⁴⁰ Kulturní tvorba 29. 8. 1963 (№ 35), („Očima partyzánů“).
- ⁴¹ J. Šverma, Slovanská myšlenka v české politice. Praha 1945, 12.
- ⁴² Západoslovanská federální unie a Svaz středoevropských států (VI. Jezerník), 34, 52, 55.
- ⁴³ Ян Шверма во время Словацкого национального восстания писал: „... обеспечение нашего национального существования мы будем искать там, куда направляли свой взгляд наши деды и отцы — у славянской мощной России...“ (Za svobodu českého i slovenského lidu, 357).
- ⁴⁴ Gottwald, Spisy XI, 240.
- ⁴⁵ Šverma, Slovanská myšlenka, 40—41. Шверма указывал на то, каким образом помогали традиции славянской взаимности чехам и словакам во время Второй мировой войны ответить на вопросы: На кого опереться в освободительной борьбе против оккупантов, на какой основе создавать будущую свободную Родину, с кем идти и что делать? Традиции славянской взаимности помогли ответить на эти вопросы следующим образом: Опереться на Россию, которая станет самым прочным оплотом национальной и государственной независимости чехов и словаков.
- ⁴⁶ Gottwald, Spisy XI, 195, 232.
- ⁴⁷ Калинин, Славяне и война, 12.
- ⁴⁸ J. Kühn, 142. — Также „западнославянские федералисты“ готовились „к прочному союзу с великобританской империей“, что, де, позволило бы западной Европе использовать военные силы за океаном „при защите интересов белой расы“ (Jezerník, 60).
- ⁴⁹ H. Ripka, S Východem i Západem, Londýn 1944. — J. Hejret, Češi а Slovanstvo, Londýn 1944. — J. L. Hromádka, Mezi Východem а Západem, Praha 1946.
- ⁵⁰ A. Dahlin, Die deutsche Herrschaft in Russland, Düsseldorf 1958.
- ⁵¹ На противосоветские статьи некоторых западных публицистов обращает внимание Й. Л. Громадка в журнале Naše doba 1946, 3—5.
- ⁵² Beneš, Úvahy o slovanství, 245.
- ⁵³ Šverma, Slovanská myšlenka, 7.